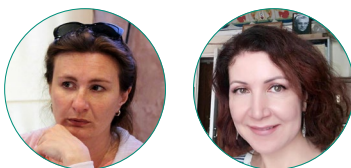

DOI: [10.14515/monitoring.2026.3.3230](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.3.3230)

М. М. Мchedlova, Г. Я. Гузельбаева

РАЗМЫВАНИЕ ГРАНИЦ МЕЖДУ РЕЛИГИОЗНЫМ И НЕРЕЛИГИОЗНЫМ: ПРИМЕР СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ИСЛАМСКИХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАЗАНИ

Правильная ссылка на статью:

Мchedlova M. M., Guzelbaeva G. Y. Размывание границ между религиозным и нерелигиозным: пример социальной активности исламских благотворительных организаций Казани // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 3. С. 93—115. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.3.3230>.

For citation:

Mchedlova M. M., Guzelbaeva G. Y. (2026) Blurring the Boundaries Between Religious and Non-Religious: An Example of Social Activism of Islamic Charitable Organizations in Kazan. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 93—115. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.3.3230>. (In Russ.)

Получено: 08.12.2025. Принято к публикации: 04.05.2026.

РАЗМЫВАНИЕ ГРАНИЦ МЕЖДУ РЕЛИГИОЗНЫМ И НЕРЕЛИГИОЗНЫМ: ПРИМЕР СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ИСЛАМСКИХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАЗАНИ

МЧЕДЛОВА Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-MAIL: mchedlova-mm@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4635-1741>

Гузельбаева Гузель Яхиевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры индустрии разработки видеоигр, Институт информационных технологий и интеллектуальных систем, Казанский федеральный университет, Казань, Россия; доцент кафедры истории, философии и социологии, Казанский государственный медицинский университет, Казань, Россия

E-MAIL: Guzel.Guzelbaeva@kpfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9123-1124>

Аннотация. В фокусе исследования — формы и результаты взаимодействия между исламскими благотворительными структурами, государством и гражданским обществом; модусы пересечения и кооперации религиозного и нерелигиозного сегментов общества в практиках социально востребованной благотворительной работы; феномен социального партнерства между религиозными организациями и светскими участниками, переводящий совместные усилия на новый уровень социально ориентированной помощи. Обширная по масштабу социальная работа прежде всего в публичном секулярном пространстве и помощь нуждающимся представлена в статье деятельностью исламских негосударственных

BLURRING THE BOUNDARIES BETWEEN RELIGIOUS AND NON-RELIGIOUS: AN EXAMPLE OF SOCIAL ACTIVISM OF ISLAMIC CHARITABLE ORGANIZATIONS IN KAZAN

Maria M. MCHEDLOVA^{1,2} — Dr. Sci. (Polit.), Full Professor, Head of the Department of Comparative Politics; Chief Researcher

E-MAIL: mchedlova-mm@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4635-1741>

Guzel Ya. GUZELBAEVA^{3,4} — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Department of Video Games Development Industry, Institute of Information Technology and Intelligent Systems; Associate Professor at the Department of History, Philosophy and Sociology

E-MAIL: Guzel.Guzelbaeva@kpfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9123-1124>

¹ RUDN University, Moscow, Russia

² Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

³ Kazan Federal University, Kazan, Russia

⁴ Kazan State Medical University, Kazan, Russia

Abstract. The study focuses on the forms and outcomes of interaction between Islamic charitable structures, the state, and civil society; the modes of intersection and cooperation between religious and non-religious segments of society in practices of socially demanded charitable work; and the phenomenon of social partnership between religious organizations and secular actors, which elevates joint efforts to a new level of socially oriented assistance. Large-scale social work, conducted primarily in the public space, is represented by the activities of Islamic non-governmental organizations — the “Yarmam–Pomoshch” (“Yardam–Help”) Foundation and the charitable projects “Center for Social Rehabilitation and Adaptation” and “Priyut Cheloveka” (“Human Shel-

организаций — фонда «Ярдам-Помощь» и благотворительных проектов «Центр социальной реабилитации и адаптации» и «Приют человека». В их работе задействованы в качестве волонтеров и меценатов как мусульмане, так и последователи других религий, атеисты и «внеконфессиональные» верующие. Поддержка и участие государства в этих исламских проектах позволяют им получать дополнительные ресурсы, повышают авторитет и доверие со стороны общества, благополучателей и доноров. Государство, в свою очередь, обретает надежного партнера и эффективный инструмент для решения социальных проблем, главным образом при работе с уязвимыми группами. Это способствует диффузии религиозных, государственных и социальных ресурсов и консолидации их деятельности в публичных сферах для достижения общего блага. Рассмотренные нами благотворительные организации обладают большей гибкостью и способны адресно оказывать нуждающимся помощь, интегративный эффект от которой способствует институционализации в нерелигиозных сферах. Социально востребованная работа исламских благотворителей совместно с государственными структурами, бизнесом и волонтерами способствует сплочению общества и укреплению доверия между его различными группами. Дизайн исследования, на основе которого написана статья, включает девять глубинных интервью (проведены с мая по июль 2025 г.) и четыре фокус-группы (август — сентябрь 2025 г.). Обработка полученных данных проводилась путем открытого кодирования, соединения кодов в темы, фиксации связи между темами, описания инсайдов и ключевых исследовательских открытий. Методика служила реализации цели статьи — раскрытию конкретных форм проявления религиозных смыслов в секулярном пространстве в формате социальной работы.

ter"). Their work involves Muslims as well as adherents of other religions and faiths, atheists, and the "non-denominational" as volunteers and patrons. State support and participation in these Islamic projects enable them to secure additional resources and enhance their authority and trustworthiness in the eyes of society, beneficiaries, and donors. The state, in turn, gains a reliable partner and an effective tool for solving social problems, primarily for vulnerable groups. This facilitates the diffusion of religious, state, and social resources and the consolidation of their activities in public spheres for the common good. The charitable organizations examined in our study exhibit greater flexibility and are capable of providing targeted assistance to those in need, whose integrative effect contributes to their institutionalization in non-religious spheres. The socially relevant work of Islamic charities, in collaboration with state structures, business, and volunteers, fosters social cohesion and strengthens trust between various groups in society. The research design underlying this article includes nine in-depth interviews (conducted May–July 2025) and four focus groups (August–September 2025). The selection criteria for informants in the in-depth interviews were: work experience within the organization (manager, rank-and-file employee, volunteer) and attitude toward religion (the target group comprised believing Muslims, as well as Orthodox Christians and non-religious individuals). Focus groups were conducted among volunteers of the "Human Shelter" organization (three groups) and the Yardam–Pomoshch Foundation (one group). The methodology served to fulfill the article's objective — namely, to reveal the specific forms in which religious meanings manifest in the secular space within the framework of social work.

Ключевые слова: религия, социальное служение, нерелигиозные, внеконфессиональные, социальное партнерство, взаимоотношения религии и государства, расширение сфер деятельности религии, религия в публичных сферах

Keywords: religion, social ministry, non-religious, nones, social partnership, religion-state relations, expansion of religion's spheres of activity, religion in the public sphere

Введение

Этап пристального интереса россиян к религии, длившийся с конца 1980-х по начало 2010-х годов, часто обозначается как религиозное возрождение. Оно характеризуется ростом числа верующих и позиционирующих себя в качестве последователей разных конфессий, а также усилением общественной активности религиозных организаций [Религия в современной России..., 2019]. Этому периоду были свойственны различные формы религиозности — как традиционные для нашей страны, так и новые, — наблюдалось возвращение к духовным поискам, повышалось значение религии и церкви в обществе, росло уважение к традиционным религиозным организациям и одновременно с этим усиливалась тенденция к клерикализации. С 2010-х годов, после стремительного роста популярности обращения к вере, массового строительства и восстановления церквей, мечетей, синагог и буддистских храмов, публикации религиозной литературы и т. д., основные религиозно-мировоззренческие группы стабилизировались и численность верующих пошла на спад [Стрела времени..., 2024]. Последние десять лет в России социологи обращают внимание на увеличение групп неверующих и внеконфессиональных (верящих в высшую силу, но не причисляющих себя ни к какой конфессии), особенно в молодежной среде [Богдан, 2025].

Одна из тенденций современного периода состоит в расширении сферы деятельности религиозных институтов в публичных сферах, ранее закрытых для них. Религия не ограничивается «церковной оградой» или частным выбором отдельного человека, она выходит в секулярное пространство, формируя собственные стратегии и смыслы. Социологи фиксируют случаи сотрудничества светских и религиозных структур [Исаев, Матвиенко, 2022]. Данная статья — о пересечении границ религиозного поля религиозными организациями, о феномене социального партнерства светских и религиозных агентов и об участии неверующих и внеконфессиональных россиян в практиках, инициированных и организованных религиозными агентами и структурами. В качестве объекта анализа выбраны исламские благотворительные организации как точки пересечения светских практик и религиозных предписаний, включая вероучительные особенности (закят, садака, принципы благотворительности).

Можно зафиксировать разнонаправленные, отчасти противоречивые тенденции. При сопротивлении общественного мнения тенденциям клерикализации участие религиозных объединений в социальной сфере, особенно в направлении помощи уязвимым социальным группам, наоборот, получает одобрение [Стрела времени..., 2024]. Хотя взаимодействие религии и государства оценивается экспертами, политиками и населением по-разному, именно вовлеченность государ-

ственных структур в дела, инициированные конфессиями, делает возможным эффективное развитие подобных начинаний. Более того, чем большее социальное значение и актуальность имеет инициатива, тем большую поддержку оно получает от рядовых граждан вне зависимости от их религиозных предпочтений. Не только прихожане, но и люди, далекие от конфессий и вопросов веры вообще, высказывают одобрение в адрес акций социального служения и лично участвуют в них. Из этого следуют исследовательские вопросы: каковы принципы взаимоотношений между российскими исламскими благотворительными организациями, государственными структурами и гражданским обществом в логике социальной работы? Каковы мотивы и принципы участия в активизации деятельности религиозно окрашенных групп в светской сфере, ее корреляция с верой и конфессией, а также в какой форме происходит взаимодействие религиозного и нерелигиозного сегментов общества? Готово ли государство позитивно откликаться на расширение поля деятельности исламских организаций?

Теоретическая рамка и обзор современных исследований

В дискуссиях о том, что в современном мире происходит с религией, как меняется религиозный ландшафт, используются такие характеристики, как упадок, возрождение, изменение [Fursett et al., 2019]. Р. Уитноу, И. Фурсет и соавторы используют понятие «религиозная сложность», которое совмещает различные измерения современных религиозных процессов и означает не просто разнообразие, но одновременное состояние упадка, возрождения и изменений. Концепция религиозной сложности подразумевает существование и религиозных, и нерелигиозных тенденций на разных уровнях общества [Wuthnow, 1997; Fursett et al., 2019]. Во многих странах социологи фиксируют увеличение доли неверующих, а также так называемых внеконфессиональных [Инглхарт, 2022; Стрела времени..., 2024; Руткевич, 2023]. В последних своих работах П. Бергер настаивал, что для многих вера и секулярность не являются взаимоисключающими способами отношения к реальности, актуален не выбор между ними, а их соединение [Berger, 2014].

Одной из важных характеристик теории и практики секуляризации многие социологи называли функциональную дифференциацию [Berger, 1990; Casanova, 1994], когда различные сферы — политика, экономика, культура, образование и др. — становятся автономными, выходя из-под контроля религии, что лишает последнюю влияния и снижает ее общественный авторитет. Место религии в обществе ограничивается сугубо религиозным сектором, а религиозные идеи, институты и практики вытесняются из публичных сфер. В современный период, часто обозначаемый как постсекулярность, религиозные институты и организации начинают пересекать установленные границы, проникая в различные области публичного пространства. Л. Вудхед и др. говорят о *дифференциации религии* как о процессе, при котором религиозные институты и практики преодолевают свою специфичность и автономность, становясь более тесно связанными с другими сферами жизни общества — политикой, экономикой, культурой [Woodhead, 2016; Хабермас, 2002; Щипков, 2019]. В результате этого процесса религия в институциональной проекции постепенно избавляется от своего статуса отдельного, независимого института, а ее функции и символы переплетаются с другими соци-

альными феноменами [Berger, Davie, Fokas, 2008; Beyer, 2013]. Таким образом, дедифференциация религии означает ее трансформацию и приспособление к новым условиям. Все больше людей считают себя «нерелигиозными», понимая под религией только совокупность догматических верований, не становясь при этом атеистами и не отвергая веру в нечто трансцендентное, что придает смысл жизни. Они являются одновременно и религиозными, и светскими [Woodhead, 2016; Руткевич, 2021]. Концепция религиозной сложности и концепция дедифференциации религии помогают осмыслить и объяснить происходящее размывание четких границ между религиозным и нерелигиозным, проникновение религии в сферы, прежде всего публичные, в которых ей раньше не было места.

Религиозный плюрализм в российском обществе [Каргина, 2018; Смирнов, 2020], появление новых гибридных форм, проблематизирующих жесткую дихотомию светских и религиозных институтов, становятся еще одним фокусом рассмотрения заявленной проблемы. Акценты делаются на недостаточную аналитическую действенность понятий, входящих в иррадиационный пул философии и социологии религии [Богдан, 2025; Руткевич, 2020; Антонов, Польсков, Смирнов, 2023], на необходимость подробного изучения групп неверующих и внеконфессиональных верующих [Инглхарт, 2022; Руткевич, 2023; Маркин, 2018], тенденций выражения религиозности и нерелигиозности в молодежной среде [Кублицкая, 2022; Лебедев, 2024; Селиверстова, Зубок, 2023; Гузельбаева, Мchedlova, 2020]. Наибольшее напряжение в академическом пространстве вызывают феномены, связанные с пересечением религиозной, политической и социальной сфер, поскольку налицо несводимость к единой традиционной причинности и невозможность классификации «констелляций» (Ш. Эйзенштадт) проявления религии в публичных сферах [Габдрахманова, 2025; Лункин, 2020; Мchedlova, 2024; Мухаметов, 2025]. Одним из востребованных направлений исследований становится изучение активизации деятельности религиозных структур в социальной сфере и области благотворительности, в том числе во время пандемии COVID-19 [Религия в современной России..., 2021; Богатова, Долгаева, 2024; Zabaev, Mikhaylova, Oreshina, 2018; Семенов, 2020; Багаева, 2025]. Данная статья продолжает изучение процесса размывания границ между религией и общественными сферами, фокусируясь на взаимонаправленном процессе, при котором люди, не являющиеся прихожанами и последователями конфессии, солидаризируются с религиозной организацией и присоединяются к волонтерской работе религиозных благотворительных структур. Данный предмет конкретизируется на примере социальной работы исламских благотворительных организаций г. Казани.

Одна из ключевых точек пересечения религиозных и общественных сфер — социальная деятельность религиозных организаций. Она представлена как в традиционном ракурсе пастырского служения, так и в современных коннотациях религиозного фактора. Социальное служение в своем традиционном смысле — это благотворительная деятельность различных религиозных объединений в виде прямой помощи нуждающимся, а также в форме создания определенных условий для подобной помощи, например создания центров социальной реабилитации [Лункин, 2020; Дорофеева, 2021]. Понятие социального служения первона-

чально исходит из религиозной среды, но сегодня оно включает в себя обширный контекст целенаправленной социальной политики различных субъектов, часто действующих в рамках социального партнерства [Исаев, Матвиенко, 2022]. Социальное партнерство становится тем узлом, который связывает в единый проблемный пул взаимоотношения между обществом, религиозными организациями и государством и одновременно с этим обеспечивает проникновение каритативных¹ и солидарных смыслов из религиозной сферы в социальную и политическую. Социальное партнерство в данном случае указывает на объединение усилий и ресурсов разных акторов для реализации совместных целей и гармонизацию их интересов. Институционализация социального партнерства как механизма совместного социального служения, когда драйвером выступают религиозные (превращенные) смыслы с одной стороны и религиозные институты и субъекты — с другой, предполагает прежде всего придание формального характера политике социального партнерства. В качестве примеров подобного партнерства можно привести ряд инициатив Русской православной церкви, которые стали драйвером возникновения целенаправленной государственной политики и институциональных новаций в социальной сфере. Среди таковых можно назвать следующие успешные проекты:

— инициативу помощи слепоглохим людям священника Льва Аршакяна, которая привело к институциональному решению их проблем — организации государственного фонда «Соединение»²;

— создание первого в России детского хосписа для детей с редкими заболеваниями священником Александром Ткаченко в Санкт-Петербурге, впоследствии назначенного директором государственного фонда «Круг добра»³ и ставшего членом Общественной палаты РФ;

— социальный проект РПЦ для бездомных «Автобус милосердия», послуживший толчком для учреждения городской службы «Социальный патруль»⁴, и др.

Среди исламских благотворительных проектов также имеются примеры успешного социального партнерства, базирующегося на совокупности социокультурных норм, но не формализованных, например благотворительные фонды и благотворительная деятельность мусульман — прихожан определенных мечетей, действующих в рамках религиозных предписаний и при этом с выходом за границы религиозных смыслов или за границы общины в светскую или инорелигиозные сферы.

¹ Под каритативной (рус. «любовь», «дела милосердия», «благотворительность») деятельностью религиозных организаций понимается социальный аспект духовного служения — милосердие, благотворительность [Семенов, 2020].

² Казанцева С. «Не надо нас жалеть, лучше помогите». Как люди без зрения и слуха учатся жить и творить в «Доме слепоглохих» в Пучково // Известия. 2021. 3 декабря. URL: <https://iz.ru/1259140/svetlana-kazantceva/ne-nado-nas-zhalet-luchshe-pomogite> (дата обращения: 20.11.2025).

³ Указ Президента Российской Федерации от 05.01.2021 № 16 «О создании Фонда поддержки детей с тяжелыми жизнеугрожающими и хроническими заболеваниями, в том числе редкими (орфанными) заболеваниями», «Круг добра» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2021. 6 января. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012021101060001?ysclid=m2n51r4nzw833142224> (дата обращения: 20.11.2025).

⁴ Департаментом социальной защиты населения Москвы в 2013 г. были закуплены 30 автобусов для решения проблемы предотвращения замерзания бездомных зимой, таким образом городские власти (региональный и муниципальный сектора власти) вслед за Церковью подключились к институциональному решению социальной проблемы, подтверждая практику социального партнерства.

Данные и методы

В качестве примеров деятельности религиозных организаций и групп верующих за пределами религиозной сферы нами выбраны мусульманские благотворительные структуры столицы Татарстана — региона со значительной долей мусульманского населения [Габдрахманова, 2025]. Выбор организаций обусловлен масштабом их работы (это наиболее крупные в Республике структуры по объему оказываемой помощи, которая носит комплексный характер и распространяется на другие российские регионы), популярностью и авторитетом, о чем свидетельствует внимание к ним и помощь со стороны государственных структур, благотворителей, а также рядовых граждан — волонтеров. В качестве таковых выбраны АНО «Центр социальной реабилитации и адаптации» (ЦРА)⁵, АНО «Центр социальной реабилитации „Приют человека“»⁶, общенациональный благотворительный фонд «Ярдам-помощь»⁷, каждый из которых имеет собственную специфику социального служения.

Исследование деятельности благотворительных организаций, созданных мусульманами, было проведено для анализа взаимопроникновения религиозной и секулярных сфер, сотрудничества исламских организаций с государством, бизнесом и светским сообществом. Также ставились задачи определить направления их работы и выявить эффекты от взаимодействия с государством, подтвердить участие мусульман, немусульман и неверующих в деятельности этих исламских проектов. Дизайн исследования продиктован задачей выяснения как позиции организаторов и сотрудников мусульманских организаций, так и мнений волонтеров — представителей религиозного и нерелигиозного сегментов. Проведено девять глубинных интервью и четыре фокус-группы. Информация о формах и методиках работы благотворительных организаций собиралась посредством глубин-

⁵ Автономная некоммерческая организация «Центр социальной реабилитации и адаптации». URL: <https://centrra.ru/> (дата обращения: 20.11.2025). Деятельность некоммерческой организации «Центр социальной реабилитации и адаптации» нацелена на комплексную работу с людьми, освободившимся из мест лишения свободы. Им оказывается разносторонняя поддержка по поиску работы, жилья, а также предоставляется юридическая, медицинская, психологическая и прочие виды помощи. Эта организация создана более 15 лет назад по инициативе людей, в колонии принявших ислам и переориентировавших свою жизнь под влиянием своей религии. Схожий бэкграунд девиации и стигматизации позволяет сотрудникам ЦРА найти общий язык с подопечными и легче понять друг друга, не вызывая недоверия и сопротивления [Гузельбаева, 2024].

⁶ Автономная некоммерческая организации «Приют человека». URL: <https://priyutr.ru/> (дата обращения: 20.11.2025). Благотворительный проект, созданный в 2017 г. группой активных мусульман. Основная задача — поддержка социально незащищенных слоев населения (малоимущих, инвалидов, погорельцев, беженцев, ветеранов войн и труда, пенсионеров, бездомных и лиц, освободившихся из мест лишения свободы). Это низкопороговый центр для социально уязвимых слоев населения, которые на безвозмездной основе получают временное жилье, помощь в поиске работы и переквалификации, бытовую, юридическую, медицинскую, психологическую поддержку. Помощь в приютлении и раздаче горячей еды, развоз продуктовых пакетов, работа в пункте приема одежды и пр. осуществляются в основном группами добровольцев. Волонтерская группа «Приюта» в конце 2025 г. состояла из 620 человек.

⁷ Общенациональный благотворительный фонд «Ярдам-Помощь». URL: <https://yardemfond.ru/> (дата обращения: 20.11.2025). Был создан в Казани в 2007 г. при мечети Ярдам. Основное направление деятельности состоит в многоплановой помощи людям с ограниченными возможностями здоровья — незрячим и слабовидящим, глухим и слабослышащим, людям с проблемами опорно-двигательного аппарата. На территории Татарстана фонд создал несколько детских центров — для духовного и культурно-просветительского воспитания, а также один семейный детский дом и несколько пансионатов для мальчиков с проживанием и обучением. Работает проект по сбору и отправке помощи участникам СВО, а также по поддержке семей мобилизованных. Наше внимание привлекло участие неверующих и атеистов в деятельности этого фонда еще в период самоизоляции во время пандемии. На момент начала пандемии COVID-19 фонд «Ярдам» был крупнейшей благотворительной организацией в Татарстане. В течение всего периода пандемии он осуществлял масштабную благотворительную работу [Ибрагимов, 2021] по материальной, духовной и информационной помощи нуждающимся, причем не только прихожанам или мусульманам.

ных интервью с сотрудниками и активными волонтерами. При отборе информантов учитывался опыт работы в организации (руководитель, рядовой сотрудник, волонтер), отношение к религии (наряду с большинством представителей целевой группы — верующими мусульманами — в число информантов вошли православные и нерелигиозные). Длительность интервью составила от 50 до 70 минут, сроки — с мая по июль 2025 г. Главным источником информации о работе волонтеров и их отношении к религии и социальному служению стали фокус-группы, что позволило получить информацию от широкого круга добровольцев, имеющих разное отношение к вере и конфессиям, а также разный религиозный и волонтерский опыт. Фокус-группы прошли в августе-сентябре 2025 г. В них приняли участие волонтеры организации «Приют человека» (три группы) и фонда «Ярдам-помощь» (одна группа). Стаж волонтерской работы участников исследования составляет от двух месяцев до трех лет. Состав каждой группы определялся стихийно — участниками по собственному желанию становились те, кто в день проведения фокусированного группового интервью оказывался «на дежурстве» в организации.

К полученным данным применялся тематический анализ, разделенный на последовательные этапы: открытое кодирование данных индивидуальных и групповых интервью, соединение кодов в темы, фиксация связи между темами, описание основных исследовательских открытий, возникших во время анализа [Практики анализа качественных..., 2023]. Выделены следующие темы глубинных интервью: направления деятельности и ее расширение по видам и географии; роль религиозного компонента в работе организации; взаимодействие с государственными структурами; источники финансирования и сотрудничество со спонсорами и работодателями; организация волонтерской работы; оценка доверия со стороны подопечных, государственных органов, спонсоров и волонтеров. Темы фокус-групп: мотивы волонтерской работы; направления помощи; опыт волонтерства; рефлексия работы в данной организации в целом; отношение к социальному служению и к работе в благотворительной организации с религиозным компонентом, взаимоотношения между волонтерами с различным отношением к вере и религии; особенность коммуникации с подопечными.

Религиозные смыслы социальной деятельности и волонтерства: пример исламских благотворительных организаций Казани

Заметное общественное звучание приобрела дискуссия о взаимоотношениях религиозного и светского сегментов российского общества, а также целенаправленная политизация религиозной проблематики как в национальном, так и в международном масштабе [Идентичность..., 2023; Стрела времени..., 2024]. Вопрос о соотношении светского и религиозного, логика интерпретации взаимоотношений между религией и обществом, религией и политикой в публичных сферах поднимает проблему границ проникновения религиозных организаций в различные области, ранее для них закрытые. Одновременно растут надежды на роль религии в сфере духовности, поддержании моральных и нравственных норм, благотворительности и милосердия. Это естественным образом находит выражение в деятельности религиозных организаций всех конфессий, в чем воплощается активное социально ориентированное религиозное служение.

Религиозные организации могут выступать акторами общественно-политической и экономической сфер — они иницируют социальные проекты, научные конференции, благотворительные акции, занимаются предпринимательской деятельностью. Крупные религиозные организации выражают свою позицию по социально значимым вопросам, что отражено в «Основах социальной концепции Русской православной церкви»⁸, «Социальной доктрине российских мусульман»⁹, «Основах социальной концепции иудаизма в России»¹⁰ и др. В этих документах содержатся ключевые положения, на которых базируется внекультовая — социальная деятельность этих структур, в частности имеется призыв к активному и ответственному социальному служению. В общественном поле в последнее время появляется все больше случаев реализации социальных инициатив в виде религиозно мотивированной солидарности в соединении с гражданской активностью. Среди примеров деятельности религиозных организаций и групп верующих за пределами сугубо религиозной сферы особую роль играет работа в области милосердия и благотворительности, вызывающая высокую степень общественного одобрения. По данным социологических исследований, деятельность религии в социальной сфере россияне поддерживают больше, чем в образовательной, просветительской и политической [Забаев, Пруцкова, Маркин, 2022]. Успехи религиозных организаций в благотворительности признают 41 % россиян, что на 14 % больше, чем десять лет назад. Причем одобрение высказывают не только верующие (около 45 %), но и атеисты с внеконфессиональными (22 % и 34 % соответственно), которые традиционно скептически относятся к религиозным структурам [Стрела времени..., 2024]. Более того, помимо позитивного отклика на многочисленные случаи религиозного социального служения, люди стремятся принять личное участие в подобных практиках. Это не зависит от отношения к вере и религии. Желание оказать помощь исходит не только от членов религиозных общин, но и людей, не идентифицирующих себя с верой и/или конкретной конфессией. Мощным стимулом к благотворительности стала пандемия COVID-19, когда многие приходы развернули активную деятельность по поддержке нуждающихся, помощи заболевшим — материальной и духовной [Религия в современной России..., 2019].

Каритативная деятельность — одна из основных задач, заложенная во всех институционализированных конфессиях, воплощение активного социально ориентированного служения. Благотворительность остается важнейшим видом деятельности религиозных организаций, посредством которого они преодолевают и материальное неравенство, и нравственный кризис, а также выполняют важную солидаризирующую функцию. Осуществляя выход за пределы сугубо религиозного поля, одновременно с этим религия привлекает и объединяет людей с различными взглядами на веру.

Социальная ответственность и добродетель — составные части моральной системы ислама, закреплённой в вероучительных положениях. Этическое уче-

⁸ Основы социальной концепции Русской Православной церкви. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/105101> (дата обращения: 20.11.2025).

⁹ Социальная доктрина российских мусульман. URL: <https://www.muslim.ru/actual/13636/> (дата обращения: 20.11.2025).

¹⁰ Основы социальной концепции иудаизма. URL: <https://religare.ru/772210> (дата обращения: 20.11.2025).

ние мусульман подразумевает обязательную помощь другим людям и общине, прежде всего тем, кто оказался в сложной жизненной ситуации. Концепция социальной справедливости включает в себя социальную ответственность и выражается в призыве следовать принципам и устоям общества и совершать добродетельные поступки, помогая ближним. Согласно мусульманскому праву (фикх), общественное благополучие важнее благополучия индивидуально [Мевлютов, Гамзатов, 2023; Патеев, 2020; Ибрагимов, 2021]. В «Социальной доктрине российских мусульман» указывается на важность социальной ответственности каждого гражданина. Благотворительная помощь мусульман обязательно оказывается на территориях компактного их проживания и распространяется не только на последователей ислама, но и на приверженцев иных конфессий, равно как и на неверующих, что входит в концепцию исламского милосердия.

Возникнув как благотворительный центр при казанской мечети для помощи незрячим и слабовидящим, за несколько лет «Ярдам» превратился в общенациональный благотворительный фонд, который расширил свою активность по направлениям оказываемой помощи и по географии деятельности, выйдя за пределы Татарстана. Помимо коммерческих организаций, среди партнеров фонда есть и государственные структуры. Активное участие в благотворительных проектах принимает мэрия Казани, а председатель Совета ОБФ «Ярдам-помощь» Илдар Баязитов в ноябре 2025 г. избран членом Общественной палаты Республики.

Выход на технологии социального партнерства позволил Центру социальной реабилитации и адаптации найти содействие у официальных властей Татарстана (Аппарат Главы Республики Татарстан, несколько министерств и ведомств, включая республиканское Управление ФСИН) и Духовного управления мусульман РТ, что предоставило ресурсы, недоступные большинству негосударственных организаций [Гузельбаева, 2024]. Сотрудники ЦРА входят в Экспертный совет при Уполномоченном по правам человека Татарстана и республиканскую Общественную палату. Центр уже помог более 30 тыс. человек и заслуженно зарекомендовал себя с положительной стороны, внося реальный вклад в профилактику рецидивной преступности. Глава ФСИН РФ А. Гостев в марте 2025 г. заявил о снижении числа рецидивов у осужденных, прошедших ресоциализацию. Уровень рецидивной преступности среди них в пять раз ниже, чем у других категорий¹¹.

Деятельность АНО «Приют человека» стала масштабироваться в партнерстве со структурами, представляющими публичную власть. Партнерами выступают Министерство труда, занятости и социальной защиты РТ, Министерство здравоохранения РТ, Министерство образования и науки РТ, мэрия г. Казани, Общественная палата Татарстана, несколько казанских больниц¹².

Отмеченные факты позволяют говорить о действенности технологий социального партнерства. Партнерство между государством и этими организациями ос-

¹¹ Мицкевич О. Глава ФСИН заявил о снижении числа рецидивов у прошедших ресоциализацию осужденных // Lenta.ru. 12.03.2025. URL: <https://lenta.ru/news/2025/03/12/glava-fsin-zayavil-o-snizhenii-chisla-retsdivov-u-proshedshih-resotsializatsiyu-osuzhdennyh/> (дата обращения: 20.11.2025).

¹² За время работы центра (на начало осени 2025 г.) в «Приюте человека» роздано около 2,8 млн порций горячей еды, более 20 тыс. продуктовых наборов, около 57 тыс. людей предоставлен ночлег, 36 тыс. оказаны услуги бани, парикмахерской и прачечной.

новывается на взаимной заинтересованности в сотрудничестве в процессе решения общих социальных и воспитательных задач, что подтверждается мнением информантов.

У нас [в ЦРА] налажены крепкие связи с государством, они [государственные структуры] идут с нами на контакт. Это взаимовыгодно, мы друг другу помогаем. Нам предоставили помещения и грант на ремонт, идет огромная административная поддержка от нескольких структур. Они ценят нашу работу. Управления ФСИН из других регионов о нас прекрасно знают, к нам из других регионов, даже издалека направляют освободившихся — кому, как они знают по опыту нашей работы, у нас можно комплексно помочь. Мы же, честно говоря, ближе к народу, мы легче находим общий язык с подобными людьми. (Интервью с сотрудником организации «Центр реабилитации и социальной адаптации»)

*Вообще, мы не просим помощи у государства. Сами справляемся, силами наших спонсоров. Единственное, от государства мы получаем административную поддержку. Получается такой удачный симбиоз: **бизнес дает деньги, государство — административный ресурс, а люди — руки.** (Интервью с сотрудником фонда «Ярдам-Помощь»)*

*Наш центр оказывает комплексную помощь. Что это значит: во-первых, комплексную помощь благоприобретателю по набору услуг. А во-вторых, **мы создаем универсальную площадку, где... и бизнес, и волонтеры, и государство могут комплексно взаимодействовать в решении острых социальных вопросов.** (Интервью с сотрудником организации «Приют человека»)*

Поддержка и участие государства, региональных властных структур в проектах исламских благотворительных организаций позволяют им получать дополнительные ресурсы, повышает их авторитет и доверие со стороны общества, благополучателей и доноров. Государство, в свою очередь, получает надежного партнера и эффективный инструмент для решения социальных проблем, прежде всего уязвимых групп. Таким образом, совместная работа государства, органов публичной власти и благотворителей, их партнерство, имеет более широкий социальный результат: способствует сплочению общества и укреплению доверия между его различными группами.

Все три рассматриваемые благотворительные структуры ведут разноплановую социальную работу, помогая людям различных социальных категорий, расширяя первоначальное целеполагание, стремясь учитывать специфические потребности каждой из них.

Мы делаем работу огромного социального значения. Надо признаться, ведь большинство тех, кому мы помогаем, — это не бездомные и бывшие эзки [первоначальная целевая аудитория], а простые бабушки и дедушки, малоимущие. Их около 70 % наших подопечных. Еще — люди, например, кто в поездке не рассчитал время и средства, или даже у кого острая семейная ситуация — нужен ночлег. Мы никому не отказываем. Только табу на алкоголь. Люди разных социальных групп, и у каждой — свой

запрос. Поест, взять теплую одежду, пообщаться. (Интервью с сотрудником организации «Приют человека»)

Можно зафиксировать, что через определенный период после начала своей деятельности анализируемые организации перешли к ее диверсификации и масштабированию. Растет список предоставляемых услуг, увеличивается число адресатов поддержки, расширяется география деятельности. Одновременно их инициативы, подходы и формы деятельности, сформулированные на основе религиозных смыслов и структур, универсализируются в секулярном пространстве федерального масштаба или проникают в нормативную и институциональную сферы. Так, ЦРА стал крупной и одной из наиболее успешных организаций по реабилитации бывших заключенных из нескольких подобных в России [Филоненко, 2024]. Положения его устава легли в основу нескольких положений Федерального закона «О пробации в РФ»¹³. «Приют человека» также значительно расширил первоначальный набор предлагаемых услуг, разнообразив имеющиеся и дополнив их медицинской и психологической поддержкой. Помимо 12 пунктов, предоставляющих горячее питание в Казани, и павильонов для проживания в 17 городах и районных центрах Татарстана, организация распространяет свою деятельность на территории других российских регионов — открыты пять полноценных филиалов помимо Татарстана: в Саратовской и Ульяновской областях, Удмуртии, Башкортостане, Мордовии. Идет работа по открытию восьмого центра помощи бездомным и малоимущим в Нижегородской области. ЦРА и «Ярдам» также осуществляют свою благотворительную деятельность в нескольких областях и республиках.

Выход религиозного поля в другие сферы не ограничивается однонаправленным движением. Это обоюдный процесс — религия проникает в различные социальные области, а нерелигиозные члены общества, в свою очередь, участвуют в деятельности религиозных организаций. Невзирая на несовпадение мировоззренческих позиций религиозных и нерелигиозных людей, можно говорить о единстве в представлениях об общечеловеческих и духовно-нравственных ценностях [Кублицкая, Писманник, 2023]. Показательно, что, осознавая необходимость духовной основы и учитывая разную конфессиональную приверженность своих подопечных, ЦРА и «Приют человека» приглашают к работе православных священников. Еженедельно проходят беседы священника и имама с подопечными, духовные лица регулярно посещают колонии и СИЗО г. Казани и районов Татарстана. Несмотря на первоначальный исламский импульс в деятельности этих организаций, на сегодняшний день среди их основных работников и среди волонтеров не только мусульмане, но и православные, внеконфессиональные верующие и те, кто индифферентно относится к религии. Это также маркирует более сложную проблему — ракурс рассмотрения межрелигиозного диалога как формы социального служения в секулярном пространстве, с привлечением в том числе нерелигиозных сегментов общества. Приведем примеры из интервью и фокус-групп о совместной деятельности людей с разным отношением к вере.

¹³ Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48882?ysclid=mkogpl3yqu824878845> (дата обращения: 20.11.2025).

Мусульманка привела для добровольческой работы в преимущественно мусульманский «Приют человека» православную соседку, затем сама приняла участие в волонтерской помощи православного прихода:

*Кормить нуждающихся, бездомных горячим обедом — я раньше не задумывалась, что многим это почти недоступно. Соседке рассказала, она тоже пришла, спасибо ей. Я потом с ней на их мероприятие [православного прихода] сходила. **Это наше общее дело.** (Фокус-группа с волонтерами организации «Приют человека», жен., 34 года, мусульманка)*

Атеистка, случайно попавшая в благотворительную организацию, продолжает помогать на добровольной основе, приглашая с собой друзей с разным отношением к вере:

*Когда училась [на психолога], проходила практику здесь. С тех пор нет-нет да прихожу. Мне атмосфера нравится, люди. **Нужное дело делаем.** (Фокус-группа с волонтерами организации «Приют человека», жен., 30 лет, русская, атеистка)*

Осознавая различия в отношении к вере и религии, участники стремятся взаимодействовать с религиозными структурами и признают позитивные нравственные возможности ислама и православия:

Признаю, что здесь религия хорошо помогает бездомным, кому пойти некуда. Ведь в такой критической [ситуации] люди, а церковь и мусульмане все-таки проповедуют [бескорыстную] помощь. (Фокус-группа с волонтерами организации «Приют человека», жен., 33 года, татарка, нет отношения к религии)

***Мы здесь очень разные, но это не важно, главное — мы помогаем людям и помогаем себе.** Сколько я сам себе помог, успокоился, вокруг меня добрые люди, улыбки, вот это важно. (Фокус-группа с волонтерами организации «Приют человека», муж., 34 года, русский, православный)*

Волонтеры, не идентифицирующие себя ни с исламом, ни с другой религией, объясняют участие в отдельных акциях или регулярной работе «Приюта» уважением к ценностям, которые они находят у работников организации. Им импонирует социальное служение, направленное на конкретную помощь конкретным людям, в то время как в других проектах, с которыми некоторые из добровольцев имеют опыт сотрудничества, они видят более абстрактные идеи и менее полезные, по их личным словам, действия. Пример: внеконфессиональный верующий, родители которого — православные, участвовал в активистских акциях гражданского направления, затем подключился к волонтерской помощи благотворительной организации, созданной мусульманами:

Я ездил на собрания, типа митингов, что ли, мы за хорошее дело боролись, я считал. Но на самом деле моя работа здесь мне нравится больше. Может, я повзрослел. Я смо-

трю вот на этих мужиков [подопечных, живущих в Приюте], видно же, что пили, а сейчас нет, улыбаются, это хорошо. Среди работников много бородатых — понятно, что мусульмане. Сначала немного сторонился, теперь вместе работаем, едим, болтаем. Я уважаю их подход. (Интервью с волонтером организации «Приют человека», муж., 29 года, чуваш, колеблется между верой и неверием)

Различные мировоззренческие взгляды характерны не только для волонтеров благотворительной организации, но также для партнеров и благотворителей:

Мы сотрудничаем и с мечетями, и с православными храмами. К нам священники приходят тоже регулярно, среди наших подопечных ведь православных тоже много. Надеемся, религия им поможет. (Интервью с сотрудником организации ЦРА, русский, нет отношения к религии)

Спонсоры и жертвователи тоже представлены разнообразным конфессиональным составом. В помощи участвуют светские структуры и частные дарители, мусульманские и православные.

Между прочим, больше всего в денежном выражении помощи из числа всех благотворителей у АНО ЦРА — православные организации и частные пожертвователи. Не знаю, почему так сложилось. Конечно, если мы кинем клич, мусульмане соберутся и сделают очень большой взнос, но мусульмане помогают другим организациям, не только нам, это распределено как-то само собой. Мы помогаем всем независимо [от вероисповедания], и нам помогают разные. (Интервью с сотрудником организации ЦРА)

Заключение

Исламские благотворительные организации Татарстана выполняют не только сугубо милосердные функции, но и выводят религиозные смыслы в публичные сферы, реализуют проекты социальной архитектуры, направленной на достижение общего блага. Сотрудничество со светскими структурами — административными и деловыми — повышает эффективность этой деятельности, а также фиксирует диффузию религиозных и нерелигиозных сфер общества, маркируя в нем новые формы присутствия религии. Сегодня можно уверенно говорить о сложившемся социальном партнерстве между исламскими благотворительными организациями Казани, волонтерами и государством. Их ресурсы и усилия объединены для реализации совместных целей, а государственная поддержка повышает возможности и авторитет этих исламских проектов. В ответ государство получает эффективного партнера для помощи нуждающимся и реализации целей социальной политики. Инициатива одной казанской мечети (Ярдам) и ее имама (Илдара Баязитова) с подвижниками, поддержанная Духовным управлением мусульман Татарстана и государственными структурами (мэрией Казани, Фондом президентских грантов), выросла в национальный благотворительный фонд «Ярдам-Помощь». Инициативы рядовых мусульман по продвижению комплексной помощи бывшим заключенным, малоимущим, инвалидам и прочим малозащищенным гражданам, поддержанные Федеральной службой исполнения наказаний, а так-

же главой Республики Татарстан и татарстанскими министерствами, развились во флагман развития института пробации в России — АНО ЦРА и в деятельность федерального масштаба АНО «Приют человека», осуществляющей разностороннюю помощь нуждающимся в семи российских регионах. Подобное партнерство обеспечивает координацию государственных, общественных и религиозных ресурсов, создавая институциональную основу для эффективного решения социальных проблем. Одновременно подобные проекты подтверждают выход религиозных смыслов за конфессиональные границы и их существование в прямом и «превращенном» виде в качестве аттракторов социальной и управленческой деятельности.

Активизация своей деятельности в социальной сфере позволяет религиозным организациям выйти за пределы сугубо религиозного поля в публичную область. Социальное служение, при котором религиозные акторы солидаризируются с государством и обнаруживают с ним общие цели и интересы по социально востребованным вопросам, переформатируется в обширную деятельность, в которой задействованы религиозная, политическая и общественная сферы. Негосударственные организации, включая религиозные, играют все более заметную роль, прежде всего в решении социальных проблем, расширяя и дополняя ресурсную базу государства. Кейсы трех исламских благотворительных организаций Казани демонстрируют, что объединение усилий государства, религии и гражданского общества в формате социального партнерства способствует социальной консолидации и решению социальных проблем. Выбор именно исламских организаций показывает как универсальность происходящих процессов, так и более отчетливое перетекание религиозных интенций в секуляризированные публичные сферы, включая социальную политику и обеспечение общественной солидарности. Проанализированные примеры могут стать выражением новых гибридных форм, которые стремятся преодолеть строгую дихотомию светских и религиозных институтов.

Еще одним качественным отличием становятся параметры межрелигиозного диалога как технология социального служения, то есть взаимодействия по-разному религиозно и мировоззренчески ориентированных людей в рамках общего дела ради общего блага.

Партнерство между государственными и исламскими благотворительными организациями способствует формированию устойчивых механизмов социальной интеграции. Для религиозных организаций сотрудничество обеспечивает наращивание ресурсного потенциала и повышение легитимности, для государства — создание действенных инструментов адресной помощи, способствующих снижению социальной напряженности среди уязвимых групп населения. Инициативы исламской благотворительности, получив поддержку различных участников, могут выйти на федеральный институциональный уровень, отражая универсализирующий характер благотворительной деятельности в формате социального партнерства.

Подобное социальное партнерство консолидирует государственные, общественные и религиозные ресурсы для достижения социально значимых целей и в итоге способствует поддержанию социальной стабильности.

Список литературы (References)

1. Антонов К. М., Польсков К. О., Смирнов М. Ю. Секуляризация и постсекулярность (к дискуссии о современном научном аппарате исследования религий) // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2023. Вып. 105. С. 138—154. <https://doi.org/10.15382/sturl2023105.138-154>.
Antonov K. M., Pol'skov K. O., Smirnov M. Yu. (2023) Secularisation and Post-Secularity (On the Discussion about the Modern Conceptual Framework of Religious Studies). *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tixonovskogo Gumanitarnogo Universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*. Vol. 105. P. 138—154. <https://doi.org/10.15382/sturl2023105.138-154>. (In Russ.)
2. Багаева К. А. Социальная деятельность традиционных религиозных организаций в рамках государственно-религиозных отношений // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2025. Вып. 3. С. 20—27.
Bagaeva K. A. (2025) Social Activity of Traditional Religious Organizations within the Framework of Religion—State Relations. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy*. Vol. 3. P. 20—27. (In Russ.)
3. Богатова О. А., Долгаева Е. И. Православный активизм в восприятии населения региона: основные фреймы // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 3. С. 55—78. <https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.3.5>.
Bogatova O. A., Dolgaeva E. I. (2024) Orthodox Activism as Perceived by the Population of the Region: Main Frames. *Vestnik Instituta Sotziologii*. Vol. 15. No. 3. P. 55—78. <https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.3.5>. (In Russ.)
4. Богдан С. С. От исследования религиозно «никаких» к становлению социологии «нерелигии» // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11. № 2. С. 4—21.
Bogdan S. S. (2025) From the Study of Religious “Nones” to the Development of the Sociology of “Non-Religion”. *Research Result. Sociology and Management*. Vol. 11. No. 2. P. 4—21. (In Russ.)
5. Габдрахманова Г. Ф. Образ ислама в официальной риторике и общественных представлениях: сопоставительный анализ на материалах Республики Татарстан // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30. № 3. С. 194—222. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2025\)3-11](https://doi.org/10.14258/nreur(2025)3-11).
Gabdrakhmanova G. F. (2025) The Image of Islam in Official Rhetoric and Public Representations: A Comparative Analysis Based on Materials from the Republic of Tatarstan. *Nations and Religions of Eurasia*. Vol. 30. No. 3. P. 194—222. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2025\)3-11](https://doi.org/10.14258/nreur(2025)3-11). (In Russ.)
6. Гузельбаева Г. Я., Мchedlova М. М. Мусульманские сообщества в Казани начала XXI века: причины подъема и спада исламского молодежного активизма // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 247—268. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1617>.
Guzelbaeva G. Y., Mchedlova M. M. (2020) Kazan Muslim Communities at the Beginning of the 21st Century: Causes of the Rise and Fall of Islamic Youth Activism.

Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 3. P. 247—268.
<https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1617>. (In Russ.)

7. Гузельбаева Г. Я. Религия и ресоциализация: специфика гражданского общества в России // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: Материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием. М.: Аспект Пресс, 2024. С. 169—170.
Guzelbaeva G. Y. (2024) Religion and Resocialization: The Specifics of Civil Society in Russia: In: *Russia in a Polycentric World Order: Challenges and New Development Paradigms. Proceedings of the 10th All-Russian Congress of Political Scientists with International Participation*. Moscow: Aspect Press. P. 169—170. (In Russ.)
8. Дорофеева М. Г. Социальное служение как направление социальной работы // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2021. № 2. С. 220—226.
Dorofeeva M. G. (2021) Social Service as a Type of Social Work. *Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary*. No. 2. P. 220—226. (In Russ.)
9. Забаев И. В., Пруцкова Е. В., Маркин К. В. Церковная социальная работа глазами россиян и социальных работников Русской Православной Церкви // Христианское чтение. 2022. № 3. С. 139—153. https://doi.org/10.47132/1814-5574_2022_3_139.
Zabaev I. V., Prutskova E. V., Markin K. V. (2022) Church Social Work Through the Eyes of Russians and Social Workers of the Russian Orthodox Church. *Christian Reading*. No. 3. P. 139—153. https://doi.org/10.47132/1814-5574_2022_3_139. (In Russ.)
10. Ибрагимов М. И. Деятельность исламских благотворительных организаций в период коронавирусной инфекции на примере благотворительного фонда «Ярдэм» // Казанский вестник молодых ученых. 2021. Т. 5. № 5. С. 77—82.
Ibragimov M. I. (2021) Activities of Islamic Charitable Organizations during the Period of Coronavirus Infection on the Example of the Charity Foundation “Yardem”. *Kazan Bulletin of Young Scientists*. Vol. 5. No. 5. P. 77—82. (In Russ.)
11. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И. С. Семененко. М.: Весь Мир, 2023.
Semenenko I. S. (ed.) (2023) Identity: Personality, Society, Politics. New Contours of the Research Field. Moscow: Ves Mir. (In Russ.)
12. Инглхарт Р. Неожиданный упадок религиозности в развитых странах. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022.
Inglehart R. (2022) Religion’s Sudden Decline: What’s Causing It, and What Comes Next? St. Petersburg: EUSP Press. (in Russ.)
13. Исаев А. В., Матвиенко В. А. Социально ориентированное партнерство государства и религий в ретроспективе преобразований «новой» России // Вестник государственного и муниципального управления. 2022. Т. 11. № 3. С. 98—110.
Isaev A. V., Matvienko V. A. (2022) Socially Oriented Partnership of the State and Religions in the Retrospective of the Transformations of the “New” Russia. *Journal of Public and Municipal Administration*. Vol. 11. No. 3. P. 98—110. (In Russ.)

14. Каргина И. Г. Современные вызовы познанию и измерению религиозного плюрализма // Секуляризация в контексте религиозных изменений современного общества. Сер. «Демография. Социология. Экономика». Т. 4. № 4 / под ред. С. Ю. Глазьева, С. В. Рязанцева, Е. А. Кублицкой. М.: Экон-информ, 2018. С. 46—61.
Kargina I. G. (2018) Contemporary Challenges to Cognition and Measurement of Religious Pluralism. In: Glaziev S. Yu., Ryazantsev S. V., Kublitskaya E. A. (eds.) *Secularization in the Context of Religious Changes in Modern Society*. Vol. 4. No. 4. P. 46—61. (In Russ.)
15. Кублицкая Е. А. Динамика процесса пост/де/секуляризации среди молодежных групп московского мегаполиса // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 103—115. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-8>.
Kublitskaya E. A. (2022) Dynamics of the Post/De/Secularization Process among the Youth Groups of the Moscow Metropolis. *Research Result. Sociology and Management*. Vol. 8. No. 3. P. 103—115. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-8>. (In Russ.)
16. Кублицкая Е. А., Писманик М. Г. Религиозные и социокультурные процессы в интеграции современных обществ (аналитический обзор социокультурного взаимодействия религиозных и нерелигиозных россиян) // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9. № 2. С. 15—20. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-2>.
Kublitskaya E. A., Pismanik M. G. (2023) Religious and Socio-Cultural Processes in the Integration of Modern Societies (Analytical Review of the Socio-Cultural Interaction of Religious and Non-Religious Russians). *Research Result. Sociology and Management*. Vol. 9. No. 2. P. 15—20. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-2>. (In Russ.)
17. Лебедев С. Д. Рефлексия религии современной российской молодежью: к постановке вторичных гипотез (на материалах межрегионального исследования) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10. № 1. С. 28—39. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-3>.
Lebedev S. D. (2024) Reflection of Religion by Modern Russian Youth: Towards the Formulation of Secondary Hypotheses (Based on the Materials of an Interregional Study). *Research Result. Sociology and Management*. Vol. 10. No. 1. P. 28—39. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-3>. (In Russ.)
18. Лункин Р. Н. Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество. М.: Нестор-История, 2020.
Lunkin R. N. (2020) *The Churches in Politics and the Politics in the Churches. How the Christianity Changes the European Society*. Moscow: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
19. Маркин К. В. Между верой и неверием: непрактикующие православные в контексте российской социологии религии // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 274—290. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.16>.

- Markin K. V. (2018) Between Belief and Unbelief: Non-Practicing Orthodox Christians in the Context of the Russian Sociology of Religion. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 274—290. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.16>. (In Russ.)
20. Мевлютов А. Ш., Гамзатов А. А. Проблема социальной ответственности в исламе // *Minbar. Islamic Studies*. 2023. Т. 16. № 1. С. 117—125. <http://doi.org/10.31162/2618-9569-2023-16-1-117-125>.
Mevliutov A. Sh., Gamzatov A. A. (2023) The Problem of Social Responsibility in Islam. *Minbar. Islamic Studies*. Vol. 16. No. 1. P. 117—125. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2023-16-1-117-125>. (In Russ.)
21. Мухаметов Р. С. (есть ссылка в тексте на стр. 6) Взаимосвязь религиозности и уровня патриотизма граждан РФ: анализ данных Всемирного обзора ценностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 3. С. 134—155. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.2655>.
Mukhametov R. S. (2025) The Relationship Between Religiosity and the Level of Patriotism of Russian Citizens: Analysis of Data from the World Values Survey (WVS). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 134—155. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.2655>. (In Russ.)
22. Мchedlova M. M. Российская идентичность: цивилизация, ценности, государство. М.: РУДН, 2024.
Mchedlova M. M. (2024) Russian Identity: Civilization, Values, State. Moscow: RUDN University. (In Russ.)
23. Патеев Р. Ф. Религиозный активизм в мусульманских обществах: переосмысление в постсекулярную эпоху // Религиоведение. 2020. № 3. С. 78—87. <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2020.3.78-87>.
Pateev R. F. (2020) Religious Activism in Muslim Communities: Rethinking in the Post-Secular Era. *Religion Studies*. No. 3. P. 78—87. <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2020.3.78-87>. (In Russ.)
24. Практики анализа качественных данных в социальных науках / отв. ред. Е. В. Полухина. М.: ИД ВШЭ. 2023.
Polukhina E. V. (ed.) (2023) The Practices of Qualitative Data Analysis in Social Sciences. Moscow: HSE. (In Russ.)
25. Религия в современной России: контексты и дискуссии / отв. ред. М. М. Мchedlova. М.: РУДН; ФНИСЦ РАН, 2019.
Mchedlova M. M. (ed.) (2019) Religion in Modern Russia: Context and Discussions. Moscow: RUDN; FCTAS RAS. (In Russ.)
26. Религия в современной России: события и дискурсы пандемии / под ред. М. М. Мchedlova. М.: РУДН. 2021.
Mchedlova M. M. (ed.) (2021) Religion in Modern Russia: Events and Discourses of the Pandemic. Moscow: RUDN. (In Russ.)

27. Руткевич Е. Д. (Не)религиозное разнообразие и соотношение религиозного, духовного и светского в сознании современного человека // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 3. С. 54—78.
Rutkevich E. D. (2021) (Non)Religious Diversity and Correlation of Religious, Spiritual and Secular in the Consciousness of Modern Man. *Vestnik Istituta Sotziologii*. Vol. 12. No. 3. P. 54—78. (In Russ.)
28. Руткевич Е. Д. О современном мире, (не)религиозном разнообразии и пост-секулярной перспективе // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9. № 2. С. 58—76. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-5>.
Rutkevich E. D. (2023) On Current World, (Non)Religious Diversity and Post-Secular Perspective. *Research Result. Sociology and Management*. Vol. 9. No. 2. P. 58—76. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-5>. (In Russ.)
29. Руткевич Е. Д. Религия, неверие и духовность «никаких»: проблема определения и изучения // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 3. С. 29—48. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-3-0-2>.
Rutkevich E. D. (2020) “Religion”, “No Religion” and “Spirituality” of the “Nones”: Issues of Definition and Study. *Research Result. Sociology and Management*. Vol. 6. No. 3. P. 29—48. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-3-0-2>. (In Russ.)
30. Селиверстова Н. А., Зубок Ю. А. Религиозная идентичность в смысловой саморегуляции молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9. № 2. С. 127—143. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-10>.
Seliverstova N. A., Zubok J. A. (2023) Religious Identity in the Semantic Self-Regulation of Youth. *Research Result. Sociology and Management*. Vol. 9. No. 2. P. 127—144. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-10>. (In Russ.)
31. Семенов И. А. Каритативная практика ислама // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2020. Т. 207. № 3. С. 18—22. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2020-3-18-22>.
Semenov I. A. (2020) Caritative Practice of Islam. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. Vol. 207. No. 3. P. 18—22. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2020-3-18-22>. (In Russ.)
32. Смирнов М. Ю. Новые форматы религии в публичном пространстве современного российского общества // Технологос. 2020. № 1. С. 124—132. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2020.1.11>.
Smirnov M. Yu. (2020) New Religion Formats in the Modern Russian Society Public Space. *Technologos*. No. 1. P. 124—132. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2020.1.11>. (In Russ.)
33. «Стрела времени» в массовом сознании россиян: оценки прошлого, суждения о настоящем, представления о будущем / под ред. М. К. Горшкова. М.: Весь Мир, 2024.
Gorshkov M. K. (ed.) (2024) “The Arrow of Time” in the Mass Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Judgments about the Present, Ideas about the Future. Moscow: Ves’ Mir. (In Russ.)

34. Филоненко Т. В. Участие негосударственных институтов в постпенитенциарной адаптации осужденных // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 8А С. 165—177.
Filonenko T. V. (2024) Participation of Non-Governmental Institutions in Post-Penitentiary Adaptation of Convicts. *Matters of Russian and International Law*. Vol. 14. No. 8A. P. 165—177. (In Russ.)
35. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь мир, 2002.
Habermas J. (2002) *The Future of Human Nature*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
36. Щипков В. А. Постсекулярная речь. Ценностное измерение современных культурных и политических процессов. М.: МГИМО, 2019.
Shchipkov V. A. (2019) *Post-Secular Speech. Value Dimension of Modern Cultural and Political Processes*. Moscow: MGIMO. (In Russ.)
37. Berger P. (1990) *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion*. New York, NY: Anchor.
38. Berger P. (2014) *The Many Altars of Modernity. Towards a Paradigm for Religion in a Pluralist Age*. Boston; Berlin: Walter de Gruyter.
39. Berger P., Davie G., Focas E. (2008) *Religious America, Secular Europe? A Theme and Variations*. Aldershot: Ashgate.
40. Beyer P. (2013) Religion in the Context of Globalization. A Developing of Theoretical Perspective. In: Beyer P. *Religion in the Context of Globalization. Essays on Concept, Form, and Political Implication*. London: Routledge. P. 1—23.
41. Casanova J. (1994) *Public Religions in the Modern World*. Chicago, IL; London: The University of Chicago Press.
42. Fursett I., Kuhle L., Lundby K., Lovheim M. (2019) Religious Complexity in Nordic Public Spheres. *Nordic Journal of Religion and Society*. Vol. 32. No. 1. P. 71—90. <https://doi.org/10.18261/issn.1890-7008-2019-01-05>.
43. Woodhead L. (2016) Intensified Religious Pluralism and De-differentiation: The British Example. *Society*. Vol. 53. P. 41—46. <https://doi.org/10.1007/s12115-015-9984-1>.
44. Wuthnow R. (1997) The Cultural Turn: Stories, Logics, and the Quest for Identity in American Religion. In: Becker P., Eiesland N. (eds.) *Contemporary American Religion: An Ethnographic Reader*. Walnut Creek, CA: AltaMira Press. P. 245—265.
45. Zabaev I., Mikhaylova Y., Oreshina D. (2018) Neither Public nor Private Religion: The Russian Orthodox Church in the Public Sphere of Contemporary Russia. *Journal of Contemporary Religion*. Vol. 33. No. 1. P. 17—38. <https://doi.org/10.1080/13537903.2018.1408260>.

Приложение

Таблица 1. Характеристики информантов глубинных интервью

№ интервью	Статус	Пол, возраст	Доп. характеристики
1	Сотрудник, ЦРА	Муж., 45 лет	Мусульманин, представитель руководства
2	Сотрудник, ЦРА	Муж., 50 лет	Мусульманин, представитель руководства
3	Сотрудник, ЦРА	Муж., ок. 32 лет	Без конкретного отношения к религии, рядовой сотрудник
4	Волонтер, ЦРА	Муж., ок. 47—48 лет	Мусульманин, активный и постоянный волонтер
5	Сотрудник, «Приют человека»	Муж., ок. 45 лет	Православный, представитель руководства
6	Волонтер, «Приют человека»	Муж., 29 лет	Колеблется между верой и неверием, активный и постоянный волонтер
7	Волонтер, «Приют человека»	Жен., 30 лет	Атеист, активный и постоянный волонтер
8	Сотрудник, «Ярдам-помощь»	Муж., 52 года	Мусульманин, представитель руководства
9	Сотрудник, «Ярдам-помощь»	Муж., ок. 40 лет	Мусульманин, рядовой сотрудник

Таблица 2. Характеристики фокус-групп

№ группы	Организация	Количество участников	Характеристики участников
1	«Приют человека»	10 человек	Мужчины и женщины в возрасте от 20 до 45 лет, разного отношения к религии, опыт работы волонтером в данной организации — от двух лет до двух месяцев
2	«Приют человека»	10 человек	Мужчины и женщины в возрасте от 20 до 45 лет, разного отношения к религии, опыт работы волонтером в данной организации — от одного года до двух месяцев
3	«Приют человека»	7 человек	Мужчины и женщины в возрасте от 22 до 55 лет, разного отношения к религии, опыт работы волонтером в данной организации — от трех лет до двух месяцев
4	«Ярдам-помощь»	8 человек	Мужчины и женщины в возрасте от 26 до 55 лет, разного отношения к религии, опыт работы волонтером в данной организации — от трех лет до двух месяцев